

Взаимосвязь социального статуса и этнонациональных установок (на материале изучения московских школьников)

А. С. Чирков,

*аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования факультета социальной психологии
Московского городского психолого-педагогического университета
(aprelltiwini@gmail.com)*

Целью проведенного нами исследования было выявление взаимосвязи между статусом индивида и индивидуальными особенностями этнонациональных установок. Для анализа данной проблематики мы использовали шесть методик, условно разбитых на два блока. Методики первого блока применялись для выявления параметров межличностной значимости, которые отразили социально-статусные особенности каждого конкретного индивида в группе; методики второго блока использовались для определения специфики этнонациональных установок у каждого конкретного участника исследования. В исследовании приняли участие учащиеся старших классов общеобразовательных школ г. Москвы (133 человека) и учащиеся I курса профессионального колледжа (68 человек). С помощью непараметрического аналогового метода многофакторного анализа – Н-критерия Краскела–Уоллеса было установлено, что параметры межличностной значимости, взятые как в целом, так и каждый по отдельности, за исключением референтности, взаимосвязаны с этнонациональными установками. По результатам одномерных сравнений с использованием U-критерия Манна–Уитни полученные закономерности конкретизировались, что позволило выявить качественные различия во взаимосвязи этнонациональных установок и социально-статусных особенностей участников.

Ключевые слова: этнонациональные установки, этническое большинство, этническое меньшинство, социальный статус, дискриминация, отношение к культурному многообразию, социальное равенство.

Актуальность изучения этнонациональных установок у школьников продиктована в первую очередь тем, что современные российские школы являются таким институтом социализации, где взаимодействие учащихся происходит в поликультурной среде. При этом

этнонациональный фактор может являться как фактором развития, так и причиной недопонимания или конфликтов.

В частности действия, предпринимаемые мигрантами для поддержания собственной этнической идентичности, для ощущения связи с собственной культурой, зачастую могут восприниматься принимающим обществом как угроза, со всеми вытекающими негативными последствиями. Этот феномен находит свое отражение и в среде учащихся. Так, по данным исследований Института социологии РАН, ксенофобские, националистические идеологемы крайнего толка не вызывают отторжения у значительного количества московских школьников. «Об этом свидетельствуют ответы на вопрос: “Некоторые люди говорят, что для Москвы было бы лучше, если бы в ней не проживали люди определенных национальностей. Ты поддерживаешь или не поддерживаешь такую точку зрения?”. Среди русских подростков 2/5 согласны с таким утверждением, и только 1/4 – занимают противоположную позицию» [8, с.38].

В этой связи изучение психологических предпосылок возникновения тех или иных установок, связанных с контекстом национальности, является крайне необходимым.

Обращаясь к истории проблемы, прежде всего необходимо отметить работы по исследованию авторитарной личности Т.Адорно [1], занимавшегося установлением структурной взаимосвязи между такими установками, как агрессивный национализм, антидемократизм, иррационализм. В современной науке это направление развивается в рамках политической психологии и концентрируется в первую очередь вокруг вопроса о различении национализма и патриотизма [12; 15].

В социальной психологии существует особое направление – психология межгрупповых отношений, в основе которого лежат исследования А.Тешфела [17], выделившего две социальные функции стереотипизации: объяснение существующих отношений между группами и оправдание существующих межгрупповых отношений.

Не вдаваясь в анализ данных подходов, стоит отметить, что они сконцентрированы на изучении процессов, не связанных с реальными малыми группами. Политическая психология, исходя из своего предмета, изучает не отношения в группе, а массовые аттитюды. Теория социальной идентичности Тешфела–Тернера связана в первую очередь с изучением «группы-категории», для которой «достаточно, чтобы несколько людей осознавали свою принадлежность к ней» [3].

При этом исследования, фокусирующиеся на изучении «стыка» психологии больших и малых групп, на том, как «группа-категория» становится феноменом, существующим в контексте реальной группы, практически отсутствуют. Таким образом, направление

исследований, связанное с выстраиванием взаимосвязи между социально-психологическими процессами, протекающими в больших и в малых группах, является слабо разработанным в современной психологии.

В нашей работе мы обратили внимание на один узкий аспект взаимосвязи феноменов больших и малых групп. Наше исследование было направлено на изучение взаимосвязи этнонациональных установок (феномена, связанного с большими социальными группами) и социально статусных особенностей индивида, а также особенностей социальной структуры малой группы (феноменов малой группы).

Под термином «этнонациональные установки» понимаются аттитюды, объектом которых выступает феномен национальности, являющийся в современном российском публичном дискурсе синонимом этничности [11].

При изучении статусных особенностей индивида мы основывались на исследованиях, выполненных под руководством М.Ю.Кондратьева в рамках изучения психологии межличностной значимости [4].

Процедура исследования

В соответствии с целью исследования основная анкета, использованная нами, состояла из шести методик, которые можно разделить на два блока. Методики первого блока позволяли выявить статус участника по трем параметрам: аттракция, референтность и власть. Методики второго блока позволяли рассмотреть особенности этнонациональных установок учащегося. Рассмотрим каждый из этих блоков в отдельности.

Первый блок методик. Статусные особенности индивида.

Первой методикой была классическая параметрическая социометрия [4] (каждому участнику была предоставлена возможность трех последовательных выборов). Социометрическая методика – одна из самых распространенных и наиболее широко применяемых в мировой социально-психологической исследовательской практике. Используемое в данной методической модели процедурное решение позволило получить информацию о характере межличностных отношений в группе. Социометрическая методика, по замыслу ее создателя Дж.Морено [4], и по своим реальным возможностям, рассчитана на выявление особенностей непосредственных отношений типа «симпатии–антипатии» между членами контактной группы. Сама процедура заключалась во фронтальном, прямом опросе испытуемых, однако каждый из испытуемых отвечал индивидуально.

В соответствии с условиями эксперимента испытуемый должен был ответить на следующий вопрос: «Представьте, что вашу группу собираются расформировать. С кем из

членов вашей группы вы бы хотели оказаться в новой группе?». При этом экспериментатором обязательно оговаривалась необходимость отразить на бланке приоритетность выбора. Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, каждый испытуемый составлял список фамилий выбранных им людей в строго определенной очередности. В бланк ответов поочередно заносились фамилии выбранных участником индивидов. В нашем случае испытуемые были ограничены тремя выборами. Полученные результаты были занесены в социометрическую матрицу, что позволило нам подсчитать количество выборов и выявить социометрических «звезд» –высоких в социометрическом плане членов группы, «средняков» – индивидов, получивших достаточно большое количество социометрических выборов, и изолянтов – членов данной группы, получивших наименьшее количество социометрических выборов.

Второй методикой, позволившей выяснить степень значимости каждого члена группы для его товарищей по сообществу, была референтометрия [4]. Если социометрическая процедура позволила нам выявить систему отношений типа «симпатия–антипатия», то совокупность референтометрических выборов позволила проанализировать более глубокий слой межличностных отношений, опосредованный целями, задачами и содержанием групповой деятельности межиндивидуального общения, т.е. ценностные факторы.

Проведение референтометрической методики традиционно происходит в два этапа. В нашем случае первым стало проведение социометрии. Опрос испытуемых также был прямым, фронтальным, при условии соблюдения индивидуального выполнения задания экспериментатора. Нами задавался вопрос: «Только что вы самостоятельно отвечали на вопрос, с кем из членов вашей группы вам хотелось бы оказаться в новой группе. Если бы у вас была возможность подсмотреть чьи-либо ответы в бланке с отмеченными фамилиями, у кого бы вы хотели больше всего подсмотреть в ответы?». Всего предлагалось три возможных варианта выбора, которые тоже были проранжированы. Полученные результаты также были занесены в референтометрическую матрицу, что позволило наглядно увидеть референтометрические статусы участников.

Для получения полноценной статусной картинки каждого участника мы использовали методический прием определения неформальной структуры власти в контактном сообществе. Данный методический прием, разработанный М.Ю.Кондратьевым [4], является достаточно простым и позволяет сделать картину статусного «расклада» в каждой исследуемой группе более четкой и полной. Определение неформальной структуры власти основано на простом ранжировании членов группы по одному- единственному

параметру – степени властного влияния. Так же, как социометрическая и референтометрическая методики, данное задание проводилось фронтально. Экспериментатор давал группе задание: «Напротив фамилии каждого человека следует вписать цифру, которая, на ваш взгляд, характеризует то количество властных полномочий, которым располагает этот человек. Причем цифра «1» – означает наивысшую степень власти. У двух людей не может быть одинаковых цифр. Так как ваша собственная фамилия также включена в список, вам необходимо определить и собственную степень властного влияния». Далее мы свели полученные данные в таблицу, где для каждого участника было подсчитано среднее ранговое значение. Наименьшее среднее ранговое значение интерпретировалось как более высокая степень властного влияния в группе и наоборот.

Таким образом, у нас получились три варианта социометрических данных, благодаря которым мы, во-первых, смогли разбить всю выборку на три группы – высокостатусных, среднестатусных, низкостатусных, причем наибольшее значение при разбивке придавалось социометрии и референтометрии, так как методический прием определения неформальной структуры власти, по мнению непосредственно автора данной методики, нельзя считать полноценным методом, во-вторых, получили возможность, распределить участников исследования по трем группам, объединенным между собой только одним из трех (социометрия, референтометрия или неформальная власть) полученных нами социометрических параметров.

В т о р о й б л о к м е т о д и к. Этнонациональные установки.

Для выявления особенностей этнонациональных установок у каждого конкретного участника исследования нами были использованы следующие методики: «Шкала этнонациональных установок», «Символический расизм, представления о национальности и межнациональных отношениях», «Межэтнические установки».

Методика «Шкала этнонациональных установок» («ШНУ»), разработанная О.Е.Хухлаевым совместно с И.М.Кузнецовым и Н.В.Ткаченко [11], направлена на изучение установок по поводу четырех объектов: а) национальности как абстрактной категории; б) национальности как свойства носителя установки («моя» национальность); в) воплощения национальности в межличностном пространстве («люди моей национальности»); г) национальности, «объективированной» в людях «иной» национальности. По результатам подготовительных исследований и факторного анализа, авторы методики подготовили опросник «ШНУ», позволяющий выявить четыре формы этнонациональных установок. Причем, в силу того, что данная типология была построена на материале факторного анализа ответов испытуемых, в ее основе лежат сразу три критерия.

Таким образом, опросник «ШНУ» был направлен на выявление склонности поддерживать четыре главные группы установок:

- 1) антинационалистические установки. Надежность шкалы (α) = 0,8;
- 2) «негативно окрашенные» националистические установки. Надежность шкалы (α) = 0,82;
- 3) «нейтрально окрашенные» националистические Мы-установки. Надежность шкалы (α) = 0,79.
- 4) «нейтрально окрашенные» националистические Я-установки. Надежность шкалы (α) = 0,84.

Опросник «Символический расизм, представления о национальности и межнациональных отношениях» составлен О.Е.Хухлаевым на основе шкал символического [13] и современного расизма [16], а также опросов Фонда «Общественное мнение». По результатам факторного анализа в основу данной типологии легло три фактора:

- 1) мультикультурализм. То есть положительное отношение к представителям другой культуры, принятие существующей в современном мире этнической и культурной множественности и осознание той пользы, которую она может принести, а также согласие с ценностями равенства (высказывания следующего типа: «Тот факт, что в России живут люди разных национальностей, приносит ей в целом больше пользы», «Все люди в своей стране должны обладать равными правами независимо от национальности»);
- 2) мигрантофобия. Она проявляется в нетерпимости по отношению приезжим, а также в этнической дискриминации (утверждения следующего типа: «Правительство относится к приезжим из Закавказья и Средней Азии с большим уважением, чем они того заслуживают», «Следует ограничить въезд представителей некоторых национальностей в наш город»). Следует отметить, что, с точки зрения концепции символического расизма, в настоящее время именно такие утверждения, не являющиеся «открыто расистскими», выступают наиболее распространенными маркерами расистского дискурса [7];
- 3) этнический фаворитизм. То есть наличие установок на преимущественное право собственной этнической группы (в нашем случае – русской) пользоваться различными социальными и другими благами (утверждения следующего типа: «У русской молодежи должны быть преимущества при получении образования», «Государство должно помогать в обустройстве только русским, если они приезжают из-за рубежа на постоянное жительство»).

Методика «Межэтнические установки», составленная Н.М.Лебедевой и А.Н.Татарко на основе адаптации методики Дж.Берри [5], позволяет оценить следующие четыре параметра: уровень этнической интолерантности; позитивность отношения к культурному многообразию; ориентацию на социальное равенство; негативное отношение к фактам дискриминации (стремление к ее отсутствию).

Все названные методики были использованы нами для изучения взаимовлияния социального статуса и этнонациональных установок старшеклассников.

Основной гипотезой исследования явилось наше предположение о существовании взаимосвязи между статусом индивида и индивидуальными особенностями этнонациональных установок.

В исследовании приняли участие учащиеся старших классов общеобразовательных школ г. Москвы (133 человека) и учащиеся I курса профессионального колледжа (68 человек).

Результаты

Мы использовали две схемы анализа полученных данных.

Во-первых, мы рассмотрели взаимосвязь между статусом в целом (т.е. по всем трем параметрам межличностной значимости) и этнонациональными установками у трех выделенных нами по результатам проведенных методик на межличностную значимость групп участников: у низкостатусных, среднестатусных и высокостатусных участников. Мы изучали разницу во взаимозависимостях между занимаемым ими статусом и этнонациональными установками.

Во-вторых, мы рассмотрели взаимосвязь между статусом индивида по каждому отдельному параметру межличностной значимости и его этнонациональными установками.

Поскольку шкалы, используемые для измерения, нельзя однозначно отнести к интервальным, мы воспользовались непараметрическим аналогом многофакторного дисперсионного анализа – Н-критерием Краскела–Уоллеса [6].

Анализируя результаты применения непараметрического метода в том варианте, когда мы брали статус индивида в целом, мы обнаружили, что статус достоверно ($p \leq 0,05$) влияет на отношение к дискриминации и выраженность позитивного отношения к культурному многообразию. По результатам одномерных сравнений (U-критерий Манна–Уитни) выявленные закономерности были конкретизированы (результаты приведены в табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Выраженность согласия с этнонациональными установками у школьников разного статуса (оценка по трем параметрам межличностной значимости в целом, только достоверные различия средних значений)

Статус (по всем трем параметрам межличностной значимости)	Этнонациональные установки	
	Негативное отношение к дискриминации	Позитивное отношение к культурному многообразию
Высокий	3,59	2,98
Средний	3,80	3,39
Низкий	3,53	3,33

Итак, мы получили данные о том, что высокостатусные школьники в меньшей степени согласны с установками на позитивное отношение к культурному многообразию, чем средне- и низкостатусные (Sig. = 0,027 и Sig. = 0,03). А среднестатусные школьники в большей степени согласны с установками на негативное отношение к дискриминации, стремление к ее отсутствию, чем их одноклассники, обладающие высоким статусом (Sig. = 0,05).

Далее представим результаты обработки данных, когда мы рассматривали каждый параметр межличностной значимости отдельно.

Для начала мы проанализировали статусность по параметру межличностной привлекательности (аттракции), исходя из данных, полученных после проведения социометрии. В данном случае, мы также воспользовались непараметрическим аналогом многофакторного дисперсионного анализа – Н-критерием Краскела–Уоллеса, поскольку используемые для измерения шкалы нельзя однозначно отнести к интервальным.

Т а б л и ц а 2

Выраженность согласия с этнонациональными установками у школьников разного социометрического статуса (только достоверные различия средних значений)

Социометрический статус (аттракция)	Этнонациональные установки		
	Нейтрально окрашенные националистические Я-установки	Антинационалистические установки	Негативное отношение к дискриминации
Высокий	3,55	2,65	3,53
Средний	3,18	3,24	3,81
Низкий	3,21	2,91	3,57

По результатам непараметрического метода в том варианте, когда мы исследовали статус индивида по параметру межличностной привлекательности, мы обнаружили влияние статуса индивида на такие этнонациональные установки, как отношение к дискриминации (Sig. = 0,077), нейтрально окрашенные националистические Я-установки (Sig. = 0,087) и антинационалистические установки (Sig. = 0,003).

По результатам одномерных сравнений (U-критерий Манна-Уитни) выявленные закономерности были конкретизированы следующим образом.

Высокостатусные школьники по параметру эмоциональной привлекательности в большей степени согласны с нейтрально окрашенными националистическими Я-установками, чем низко- и среднестатусные (Sig. = 0,044 и Sig. = 0,048).

Наибольшее согласие с антинационалистическими установками наблюдается у среднестатусных школьников. Наименьшее – у высокостатусных. Причем различия между ними и низкостатусными – на уровне статистической тенденции (Sig. = 0,002; Sig. = 0,025 и Sig. = 0,069).

Среднестатусные школьники демонстрируют более негативное отношение к дискриминации, чем низко- и высокостатусные (Sig. = 0,104 и Sig. = 0,038).

Следующий параметр, по которому определялся статус в исследовании, – это референтность. По результатам непараметрического теста (H-критерий Краскела-Уоллеса) взаимозависимости между параметром референтности и установками не были выявлены.

Таким образом, можно утверждать, что референтность не влияет на выраженность этнонациональных установок.

Последний параметр определения статуса – место в интрагрупповой структуре власти. Мы обнаружили воздействие степени властного влияния школьника на такие этнонациональные установки, как отношение к культурному многообразию (Sig. = 0,051), и на этнонациональные установки, связанные с ценностью социального равенства (Sig. = 0,057; табл.3).

Т а б л и ц а 3

Выраженность согласия с этнонациональными установками у школьников разной степени властного влияния (только достоверные различия средних значений)

Степень властного влияния	Этнонациональные установки	
	Позитивное отношение к культурному многообразию	Ориентация на социальное равенство
Высокая	2,94	3,00
Средняя	3,35	3,32
Низкая	3,40	3,62

По результатам одномерных сравнений (U-критерий Манна-Уитни) выявленные закономерности были конкретизированы следующим образом.

Школьники, занимающие высокое положение в интрагрупповой структуре власти, демонстрируют менее позитивное отношение к культурному многообразию, чем средне- и низкостатусные (Sig. = 0,027 и Sig. = 0,03). То есть чем больше властное влияние индивида в группе, тем менее позитивно его отношение к культурному многообразию.

Низкостатусные школьники выражают большее согласие на социальное равенство, чем высоко- и среднестатусные (Sig. = 0,032 и Sig. = 0,046).

Обсуждение результатов

Итак, мы получили данные о том, что высокостатусные школьники менее положительно расположены к установкам на мультикультурное разнообразие, чем низко- и среднестатусные школьники. Это обстоятельство может объясняться целым рядом причин.

Во-первых, чем выше статус конкретного индивида, являющегося членом ученической школьной группы, тем больше ресурсов ему необходимо затратить на завоевание и удержание своего статуса. Исходя из этого, можно предположить, что для осознания и принятия существующего культурного многообразия у высокостатусных индивидов просто не хватает внутренних ресурсов.

Во-вторых, высокостатусные школьники вырабатывают ценности и нормы для данной группы, что делает эту конкретную группу наиболее значимой для них, чего нельзя сказать про низко- и среднестатусных школьников, которые вполне могут быть заинтересованы в поиске более референтных групп для себя, для собственной самореализации.

В-третьих, высокостатусные школьники максимально включены в жизнь конкретной группы, что, с одной стороны, дает им возможность находиться на верху ее статусной иерархии, с другой стороны, является неким ограничением для познания, принятия и взаимодействия с другими группами [2].

Обратим внимание на данные о положительной взаимосвязи между высоким социометрическим статусом и нейтрально окрашенными националистическими Я-установками. Заметим, что само понятие «нейтрально окрашенные Я-установки», имплицитно содержит в себе представление о национальности как о феномене приватного, личного пространства [10;11]. Большинство из наших респондентов принадлежат к этническому большинству (русские). Как показывают исследования, принадлежность к этническому большинству (в понимании этнической принадлежности старшеклассником) подразумевает более высокий статус [14]. Такая интерпретация подтверждается и тем, что как показало исследование, высокостатусные члены группы менее положительно относятся к антинационалистическим этнонациональным установкам. Следовательно, можно предположить, что высокостатусные школьники в большей степени готовы использовать феномен национальности для анализа окружающего социального пространства и себя самих вне зависимости от вектора оценки представителей других этнических групп [11].

Интересно, что высокостатусные (по параметру властного влияния) школьники менее положительно относятся к установкам на культурное многообразие. Подобные результаты были получены нами в ситуации, когда мы измеряли статус каждого отдельного респондента в целом. Можно предположить, что именно такой параметр социального статуса, как степень властного влияния, во многом определяет отношение к культурному многообразию. Данное предположение подтверждается также результатами, которые мы получили относительно среднестатусных и низкостатусных школьников. Эти результаты

логично соотносятся с описанными выше: склонность к использованию феномена национальности для анализа окружающего мира в российском повседневном дискурсе оказывается тесно связанной с отрицательным отношением к культурному многообразию.

Относительно среднестатусных (по параметру межличностной значимости) школьников можно отметить, что они в меньшей степени предрасположены к согласию с националистическими Я-установками. Для них при оценке окружающего мира факт национальности не является столь важным, как для их более высокостатусных одноклассников. Возможно, это вызвано большей социальной гибкостью среднестатусных школьников и связанной с этим большей готовностью принимать как собственные культурные нормы и правила, так и те, которые несут в себе представители других культур.

Среднестатусные (по эмоциональной привлекательности) школьники также наиболее отрицательно относятся к дискриминации по сравнению со школьниками иного статуса (низкого и высокого). Возможно, это связано с тем, что они имеют мощную поддержку со стороны других среднестатусных членов группы, что исключает возможность дискриминационного поведения, направленного в их сторону. Следовательно, однозначного, навязанного группой восприятия дискриминации у них нет; напротив, у них имеется некий «выбор» – поддерживать дискриминационное поведение или нет [9]. Но возможно, что причина таких результатов связана опять же с большей социальной гибкостью среднестатусных школьников, которая вызвана их положением в середине иерархии.

Обращая внимание на низкостатусных школьников (по параметру властного влияния), отметим, что они более положительно относятся к установкам на социальное равенство. Это, скорее всего, объясняется их реальной статусной позицией в данной группе. Социальное равенство предполагает нормы и правила, одинаковые для всех. Естественно, что наибольшие выгоды такая норма несет тем, кто при текущем положении дел наиболее обделен ресурсами.

Выводы

1. Взаимосвязь между социальным статусом и этнонациональными установками существует. Причем эта связь присутствует и тогда, когда измеряется статус каждого участника исследования по всем трем параметрам межличностной значимости, и тогда, когда рассматривается связь с такими отдельными параметрами, как эмоциональная привлекательность и власть. Такой

параметр межличностной значимости, как референтность, никак не связан с этнонациональными установками.

2. Высокостатусные школьники демонстрируют менее положительное отношение к культурному многообразию. Высокостатусные школьники также более положительно относятся к установкам на дискриминацию. Вероятно, высокостатусные школьники более часто, чем остальные, используют феномен национальности для легитимизации собственного статуса, особенно, если сами они принадлежат к этническому большинству.
3. Среднестатусные школьники, как в целом, так и отдельно, по результатам социометрии, относятся к дискриминации более негативно, чем низко- и высокостатусные. Помимо этого для данных школьников фактор национальности при оценке окружающей действительности менее важен, чем для высоко- или низкостатусных школьников. Таким образом, можно говорить о среднестатусных школьниках как о наиболее социально-гибких и приспособленных к жизни в мультикультурном обществе. Скорее всего, это связано с тем, что позиция среднестатусного школьника подразумевает как конформное поведение – следование тем или иным правилам и нормам группы, так и возможность самостоятельных решений – за счет наличия достаточного количества внутренних ресурсов и поддержки группы равных по статусу школьников.
4. Низкостатусные школьники в области этнонациональных установок редко выступают как отдельная группа. Чаще всего их мнение совпадает с представлениями иных статусных групп. Исключением является лишь установка на социальное равенство, по-видимому затрагивающая специфические для данной группы темы.

Литература

1. Адорно Т. и др. Исследование авторитарной личности. М., 2001.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1994.
3. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений. М., 2008.
4. Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М. Психология межличностной значимости. М., 2006.
5. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М., 2007.
6. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. СПб., 2007.
7. Нельсон Т. Психология предубеждения. М., 2003

8. Подростки и юношество в многонациональной Москве: формирование этнического самосознания и межэтнических отношений // Информационно-аналитический бюллетень Института Социологии РАН. 2007. №3.
9. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси, 1989.
10. Хухлаев О.Е. Националистические аттитюды современной российской молодежи: опыт эмпирического исследования // 5 Всероссийский конгресс политологов «Изменения в политике и политика изменений: Стратегии, институты, факторы». Москва, 20–22 ноября 2009 г.: Тезисы докладов. М., 2009.
11. Хухлаев О.Е. Этнонациональные установки московских старшеклассников в условиях совместного обучения с мигрантами // Психологическая наука и образование. 2009. №1.
12. Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. Vol. 24.
13. Henry P.J. & Sears D.O. The Symbolic Racism 2000 Scale // Political Psychology. 2002. № 23.
14. Judith A. Grffiths & Drew Nesdale. In-group and Aut-group Attitudes of Ethnic Majority and Minority Children // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30.
15. Kosterman R., Feshbach S. Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 10.
16. McConahay J.B. Modern Racism, Ambivalence and the Modern Racism Scale // Prejudice, Discrimination and Racism / J.F.Dovidio & S.L.Gaertner (Eds.). Orlando, 1986.
17. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge and Paris, 1982.

The Relationship between Social Status and Ethnic Dispositions (Based on the Study of Moscow School-Children)

A. S. Chirkov,

Ph.D. Student, Chair of Ethnic Psychology and Psychological Problems of Multicultural Education, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education (aprelltiwini@gmail.com)

The purpose of this study was to determine the relationship between the status of the individual and the individual characteristics of ethnic dispositions. Six methods were used in the analysis of this problem, conventionally divided into two sets. Methods of the first set were used to identify the parameters of interpersonal significance, which reflected the social and status specifics of each individual in a group; the methods of the second set were used to determine the specifics of the ethnic dispositions of each participant of the study. The study involved high school students of secondary schools in the city of Moscow (N=133) and first year students from vocational college (N=68). With the help of the nonparametric analogue method of multifactor analysis - the Kruskal-Wallis H-test we show that the parameters of interpersonal value, taken both as a whole and individually, with the exception of referential, are connected to ethnic dispositions. According to the results of univariate comparisons using Mann-Whitney U-test, the obtained regularities were specified and the qualitative differences in the relationship between ethnic dispositions and social and status characteristics of participants were revealed.

Keywords: ethnic dispositions, ethnic majority, ethnic minority, social status, discrimination, attitudes toward cultural diversity, social equality.

References

1. Adorno T. i dr. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti. M., 2001.
2. Andreeva G.M. Social'naya psihologiya. M., 1994.
3. Gulevich O.A. Psihologiya mezhgruppyh otnoshenii. M., 2008.
4. Kondrat'ev M.Yu., Kondrat'ev Yu.M. Psihologiya mezhlichnostnoi znachimosti. M., 2006.
5. Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Cennosti kul'tury i razvitie obshestva. M., 2007.
6. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. SPb., 2007.
7. Nel'son T. Psihologiya predubezhdeniya. M., 2003
8. Podrostki i yunoshestvo v mnogonacional'noi Moskve: formirovanie etnicheskogo samosoznaniya i mezhetnicheskikh otnoshenii // Informacionno-analiticheskii byulleten' Instituta Sociologii RAN. 2007. №3.

9. Sardzhveladze N.I. Lichnost' i ee vzaimodeistvie s social'noi sredoi. Tbilisi, 1989.
10. Huhlaev O.E. Nacionalisticheskie attityudy sovremennoi rossiiskoi molodezhi: opyt empiricheskogo issledovaniya // 5 Vserossiiskii kongress politologov «Izmeneniya v politike i politika izmenenii: Strategii, instituty, faktory». Moskva, 20–22 noyabrya 2009 g.: Tezisy dokladov. M., 2009.
11. Huhlaev O.E. Etnonacional'nye ustanovki moskovskih starsheklassnikov v usloviyah sovmestnogo obucheniya s migrantami // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. 2009. №1.
12. Dekker H., Malová D., Hoogendoorn S. Nationalism and Its Explanations // Political Psychology. 2003. Vol. 24.
13. Henry P.J. & Sears D.O. The Symbolic Racism 2000 Scale // Political Psychology. 2002. № 23.
14. Judith A. Grffiths & Drew Nesdale. In-group and Aut-group Attitudes of Ethnic Majority and Minority Children // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30.
15. Kosterman R., Feshbach S. Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // Political Psychology. 1989. Vol. 10.
16. McConahay J.B. Modern Racism, Ambivalence and the Modern Racism Scale // Prejudice, Discrimination and Racism / J.F.Dovidio & S.L.Gaertner (Eds.). Orlando, 1986.
17. Tajfel H. Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge and Paris, 1982.